ЛМ
Р 76 X
Русские в плену у авст-
рийцев...

ЗВ-344

Билет № 10577/16 ч А

Фамилия Крюков И.В

Дата 9.12.2005

Автор

Название Русские в плену у австрийцев

Том _____ вып./часть _____

Место и год изд. б.м., б.г

Шифры

ЛМ
Р-76

Подпись читателя

линия отрыва

64
ЛМ
Р76
БИБЛ
МОСКОВ. О-ва ПО ИССЛЕДОВ. ПАМЯТН. ДРЕВНОСТ
имени А. И. УСПЕНСКАГО
при ИМПЕРАТ. МОСК. АРХЕОЛОГ. ИНСТ
имени ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II
ОТДЕЛЕНО
Россия. Чрезвычайная следств. комиссия
Русские в плену у австрийцев.

ВЫСОЧАЙШЕ учрежденная

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЛѢДСТВЕННАЯ КОММИСІЯ.

Если отношеніе германцевъ къ плѣннымъ врагамъ вызвало справедливое негодованіе и возмущеніе всего цивилизованнаго міра и доказало послѣднему, что чувства гуманности и уваженія къ личности человѣка уступили въ Германіи мѣсто проявленіямъ, свойственнымъ лишь первобытнымъ дикарямъ, то нынѣ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что австрійцы, во всемъ слѣдующіе примѣрамъ и указаніямъ германцевъ, оказались достойными послѣдователями своихъ достойныхъ союзниковъ.

Тяжела была жизнь плѣнныхъ въ Германіи, не легче она была и въ Австро-Венгріи.

Какъ въ изданномъ уже краткомъ отчетѣ о жизни военноплѣнныхъ въ Германіи, такъ и въ настоящемъ, нынѣ издаваемомъ, отчетѣ объ австрійскомъ плѣнѣ Высочайше учрежденная Слѣдственная Коммисія считаетъ нужнымъ удостовѣрить, что всѣ изложенные въ отчетѣ факты почерпнуты исключительно изъ показаній воинскихъ чиновъ, бѣжавшихъ изъ плѣна, а также вернувшихся на родину инвалидовъ, лично испытавшихъ жестокость австрійцевъ или бывшихъ очевидцами страданій тѣхъ, кто томился въ австрійскихъ концентраціонныхъ лагеряхъ.

1453/7

Русскіе въ плѣну у австрійцевъ.

Первые дни плѣна.

Плѣнные русскіе воины, очутившись во власти врага, прежде всего испытывали на себѣ проявленія безпощаднаго мародерства, широко распространеннаго въ австрійской арміи.

У взятыхъ въ плѣнъ отбиралось все: сапоги, шинели, деньги, часы, до мѣднаго креста съ шеи и черныхъ сухарей изъ походной сумки включительно; срывались знаки отличія, погоны, кокарда съ фуражки, даже пуговицы отъ тѣхъ шинелей и мундировъ, которые за негодностью и ветхостью не могли быть использованы австрійцами и потому оставлялись плѣннымъ.

Словомъ, не было той самой незначительной по цѣнности вещи, которая не переходила бы въ руки жаднаго врага добровольно или насильно, такъ какъ тѣмъ, которые упорствовали въ выдачѣ вещей, грозили штыками, прикладами и разстрѣломъ.

Рядовой 48 пѣхотнаго Одесскаго полка Алексѣй Федоровъ Шестакъ разсказываетъ, что на его глазахъ одинъ изъ плѣнныхъ, на требованіе австрійскаго солдата отдать сапоги, отвѣтилъ отказомъ; австріецъ убилъ его ударомъ штыка и снялъ сапоги съ мертваго.

Обобранныхъ, полураздѣтыхъ плѣнныхъ, если численность ихъ не превышала нѣсколькихъ десятковъ, отводили въ тылъ австрійской арміи, гдѣ они, ночуя подъ открытымъ небомъ или въ сараяхъ, конюшняхъ и хлѣвахъ разрушенныхъ войною деревень, ожидали прибытія новыхъ партій, и когда плѣнные насчитывались уже сотнями, ихъ отправляли на ближайшія желѣзнодорожныя станціи для дальнѣйшаго слѣдованія въ глубь Австро-Венгріи.

ГОСТ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА 566003 V м

Иногда незначительныя по численности партіи двигались вдоль фронта среди австрійскаго обоза, причемъ австрійцы, вопреки установленнымъ международнымъ соглашеніемъ законамъ войны, пользовались трудомъ плѣнныхъ въ цѣляхъ обороны.

Такъ, по словамъ ефрейтора 9 Финляндскаго стрѣлковаго полка Гавріила Томашева, во время боя 14 іюня у рѣки Днѣстра, австрійцы заставили плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Томашевъ, подъ страхомъ немедленнаго разстрѣла, принять участіе въ наводкѣ моста для переправы австрійскихъ войскъ, отступавшихъ подъ давленіемъ русскихъ силъ.

Старшій унтеръ-офицеръ 12 стрѣлковаго полка Давидъ Ивановъ Безпаловъ равнымъ образомъ удостовѣряетъ, что австрійцы заставили русскихъ плѣнныхъ тащить на себѣ десять орудій отъ Ярослава до Красна, подгоняя ударами палокъ и прикладовъ.

На пути къ концентраціоннымъ лагерямъ.

Въ ожиданіи дальнѣйшаго слѣдованія и во время пѣшаго передвиженія къ желѣзнодорожнымъ станціямъ, длившагося иногда 7—8 сутокъ, плѣннымъ или не давали никакой пищи, или они были вынуждены довольствоваться нѣсколькими небольшими кусками сухого хлѣба.

Мѣстные жители—славяне и поляки—охотно протягивали руку помощи русскимъ страдальцамъ и въ деревняхъ имъ предлагали хлѣбъ, молоко и фрукты, но безсердечные австрійскіе конвоиры, въ особенности изъ мадьяръ, не допускали населеніе къ плѣннымъ и отгоняли его ударами прикладовъ и палокъ; съ другой стороны, тѣ же конвоиры относились въ высшей степени снисходительно къ венгерской части населенія, которая, при прохожденіи русскихъ плѣнныхъ, позволяла себѣ оскорблять послѣднихъ, ругая свиньями и собаками и бросая камнями и палками. Озвѣрѣніе толпы доходило до того, что мирные жители венгерцы врывались въ ряды плѣнныхъ, били ихъ кулаками и ногами, плевали въ лицо и срывали повязки у раненыхъ. Въ этомъ дикомъ неистовствѣ принимали участіе мужчины, женщины, подростки и даже дѣти.

Плѣнныхъ, изнемогавшихъ отъ усталости, подгоняли ударами прикладовъ и штыковъ, а тѣхъ, которые уже не могли

слѣдовать за партіей и падали, подбирали и бросали въ слѣдовавшую сзади повозку, въ которой къ концу путешествія скоплялась груда другъ на другѣ въ безпорядкѣ лежащихъ едва живыхъ тѣлъ.

Голоданіе плѣнныхъ въ дни долгаго пѣшаго пути доходило до того, что они, не взирая на запрещеніе и побои конвоировъ, съ жадностью ѣли листья капусты, гнившіе на поляхъ, и подбирали валявшіеся на дорогѣ картофель, морковь и брюкву.

Подпрапорщикъ 182 пѣхотнаго Гроховскаго полка Кондратій Федоровъ Семенюкъ удостовѣряетъ, что видъ толпы людей, едва передвигавшихъ ноги, съ поблѣднѣвшими и осунувшимися лицами, съ лихорадочно-блестящими глазами, былъ ужасенъ. Встрѣтившій однажды такую партію плѣнныхъ австрійскій врачъ не могъ скрыть своего удивленія и спросилъ о причинахъ, вызвавшихъ такое истощеніе. Узнавъ, что плѣннымъ въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ не давали никакой пищи, возмущенный врачъ немедленно обратился къ надлежащей австрійской власти съ требованіемъ накормить плѣнныхъ и при этомъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказалъ, что человѣчнѣе было-бы разстрѣлять, чѣмъ медленно и мучительно убивать людей голодомъ.

Къ сожалѣнію имя этого гуманнаго врача не сохранилось въ памяти подпрапорщика Семенюка.

Тяжело раненыхъ, тоже нерѣдко шедшихъ пѣшкомъ и не имѣвшихъ силъ слѣдовать за партіей, въ большинствѣ случаевъ прикалывали штыкомъ и тѣла ихъ сбрасывали въ придорожныя канавы.

Рядовой 167 пѣхотнаго Островскаго полка Михаилъ Ивановъ Скворцовъ былъ очевидцемъ того, какъ пять русскихъ нижнихъ чиновъ, взятыхъ въ плѣнъ съ тяжкими огнестрѣльными пораненіями, были безжалостно добиты конвоирами-мадьярами, которые нашли наиболѣе удобнымъ этимъ простымъ способомъ отдѣлаться отъ врага, требовавшаго ухода и заботъ.

Рядовой 57 пѣхотнаго Модлинскаго полка Маркъ Ивановъ Соловнюкъ разсказалъ при допросѣ, что въ его партіи, направлявшейся къ ближайшей желѣзнодорожной станціи, шло трое тяжело раненыхъ плѣнныхъ. Когда силы совершенно оставили ихъ, они, отставъ отъ партіи, присѣли для отдыха на откосѣ

дороги. Немедленно австрійскій конвоиръ подошелъ къ нимъ и, угрожая штыкомъ, потребовалъ, чтобы они продолжали путь; двое подчинились приказанію и присоединились къ партіи; третій, который, несмотря на окрики конвоира, не могъ подняться, былъ заколотъ.

Легко раненые всю дорогу шли пѣшкомъ. Въ теченіе пути, хотя бы таковой длился нѣсколько дней, имъ не дѣлали и не мѣняли перевязокъ. Повязка, наскоро положенная на рану въ ближайшемъ къ мѣсту боя перевязочномъ пунктѣ, сбивалась, пропитывалась кровью и загнивала; въ ранахъ нерѣдко появлялись черви.

Раненые сами помогали другъ другу въ перевязкахъ, пользуясь для этого, за отсутствіемъ перевязочныхъ средствъ, рубахами и портянками.

Этими грязными тряпками раненые прикрывали кровоточащія раны и не удивительно, что большинство несчастныхъ не дошло до мѣста своего назначенія; они погибли въ пути отъ общаго зараженія крови.

По прибытіи на желѣзнодорожныя станціи плѣнные, и то не всегда, получали первую горячую пищу: сваренный почти исключительно изъ цикорія кофе безъ сахара и молока или супъ изъ овощей невкусный и малопитательный. Пища эта, однако, выдавалась въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что утолить голодъ она не могла, тѣмъ болѣе, что въ дни выдачи горячей пищи плѣнные были лишены хлѣба.

Въ ожиданіи посадки въ поѣздъ, плѣнные располагались безпорядочнымъ лагеремъ около станціонныхъ зданій, лежа на землѣ, подъ открытымъ небомъ. Въ дождливые и холодные дни одежда промокала до нитки и людей въ этихъ промокшихъ платьяхъ, голодныхъ и продрогшихъ, загоняли въ вагоны, не стѣсняясь количествомъ: въ вагонъ помѣщалось столько, сколько могли вмѣстить его стѣны.

Плѣнныхъ сажали въ вагоны, предназначенные для перевозки скота; полъ былъ покрытъ густымъ слоемъ навоза. Отъ тѣсноты не представлялось возможности ни сидѣть, ни лежать; люди стояли всю дорогу, поддерживая другъ друга.

Вагоны наглухо запирались, и естественную надобность по необходимости приходилось отправлять тутъ-же, пользуясь для

этого фуражками, рубахами и портянками. Свѣжій воздухъ проникалъ въ вагоны лишь чрезъ небольшое отверстіе подъ потолкомъ.

Зловоніе, издаваемое гніющимъ навозомъ, въ связи съ испареніями человѣческихъ тѣлъ и тяжелымъ запахомъ гноящихся ранъ, вызывало такое отравленіе воздуха и духоту, что многіе впадали въ обморочное состояніе, заболѣвали и даже умирали.

При болѣе продолжительныхъ остановкахъ на станціяхъ вагоны открывались; плѣнные выходили изъ вагоновъ, но итти они не могли, они качались, падали и безпомощно оставались лежать на землѣ, пока ударами прикладовъ ихъ не заставляли подняться и сѣсть въ вагоны для дальнѣйшаго путешествія и мученій.

Пища за дни желѣзнодорожнаго пути выдавалась такъ же рѣдко и такъ-же недостаточно. Плѣнные все время голодали, но купить чего либо на станціяхъ они не могли, такъ какъ это было имъ строжайше запрещено.

Рядовой 45 Сибирскаго стрѣлковаго полка Захаръ Попокъ былъ очевидцемъ того, какъ по дорогѣ въ лагерь Іозефштадтъ одинъ изъ плѣнныхъ, не будучи въ состояніи далѣе выносить муки голода, выскочилъ на станціи изъ вагона и бросился къ женщинѣ, торговавшей хлѣбомъ. Съ рублемъ въ рукахъ несчастный уже почти добѣжалъ до желаннаго хлѣба, но упалъ мертвымъ отъ удара австрійскаго штыка.

Плѣнные въ пути были лишены не только пищи, но и воды. Духота и отсутствіе воздуха въ вагонахъ вызывали нестерпимую жажду и на каждой станціи плѣнные молили о глоткѣ воды. Но напрасно.... Когда кто-либо, сжалившись надъ мучениками, пытался подать имъ кружку воды, австрійскіе конвоиры отнимали кружку, выливали воду и, грубо отталкивая, говорили: „ничего для русскихъ свиней“ (Nichts für die Russische Schweine).

Такъ везли нашихъ плѣнныхъ до концентраціонныхъ лагерей, гдѣ ихъ ждали еще большія испытанія.

Концентраціонные лагери.

Военноплѣнныхъ, по доставленіи въ глубь Австро-Венгріи, размѣщали по лагерямъ, большинство которыхъ въ Августѣ и послѣдующихъ мѣсяцахъ 1914 года не были еще оборудованы

для жилья и представляли изъ себя пустыри, часто болотистые, обнесенные изгородью изъ колючей проволоки.

Такъ, въ лагеряхъ Эстергомъ, Дунасердагель, Саморія и другихъ, въ которыхъ было сконцентрировано значительное количество плѣнныхъ, до Ноября 1914 года не было никакихъ жилыхъ построекъ. Плѣнные помѣщались на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ и въ дождливые и холодные осенніе дни, безъ обуви, лишенные шинелей, а часто и мундировъ, въ однихъ гимнастеркахъ испытывали нестерпимыя муки отъ холода.

Днемъ, какъ говорятъ нынѣ вернувшіеся на родину, было еще терпимо, но ночью холодъ не давалъ возможности сомкнуть глаза хотя бы на самое короткое время. Протянуть усталые члены было негдѣ. Отъ частыхъ и обильныхъ дождей болотистая мѣстность превращалась въ сплошную топкую грязь, и люди, боясь закоченѣть на смерть, цѣлыми ночами бѣгали по лагерю, стараясь этимъ способомъ поддержать въ себѣ природную теплоту.

Видя, что такія условія жизни грозятъ затянутся надолго, плѣнные, работая, за отсутствіемъ лопатъ и другихъ орудій, голыми руками, а въ лучшемъ случаѣ обломкомъ доски или плоскимъ камнемъ, начали устраивать въ болѣе сухихъ мѣстахъ лагеря небольшія землянки; въ нихъ они залегали на ночь, спасаясь отъ вѣтра и дождя, мороза и снѣга.

Соломы въ лагерѣ не было и плѣнные проводили ночи на сырой землѣ, ложась возможно близко другъ къ другу и укрываясь, нѣсколько человѣкъ, одной рваной и изношенной шинелишкой, сохранившейся у какого-либо счастливца.

Стѣны землянокъ, ничѣмъ не сдерживаемыя, часто обсыпались, покрывая землею жителей этихъ непрочныхъ сооруженій. Нерѣдко по утрамъ находили обвалившіяся за ночь землянки, изъ которыхъ затѣмъ извлекали трупы засыпанныхъ землею людей.

Доведенные до полнаго отчаянія плѣнные въ Дунасердагелѣ рѣшили прибѣгнуть къ крайнему и опасному по своимъ послѣдствіямъ средству: они разобрали единственныя въ лагерѣ деревянныя постройки — отхожія мѣста—и начали досками и бревнами отъ нихъ закрѣплять стѣны землянокъ.

За эту попытку многіе поплатились жизнью: по приказанію коменданта лагеря было разстрѣлено и изувѣчено ударами палокъ, штыковъ и прикладовъ болѣе двадцати человѣкъ.

Въ другихъ лагеряхъ плѣнные помѣщались въ зданіяхъ лѣтнихъ расположеній австрійскихъ воинскихъ частей въ мирное время.

Въ Іозефштадтѣ, напримѣръ, часть плѣнныхъ была размѣщена въ баракахъ, часть въ манежѣ и цейхгаузахъ, а тѣмъ, которымъ не оказалось мѣста въ указанныхъ постройкахъ, были предоставлены для жилья конюшни, изъ которыхъ даже не былъ вывезенъ накопившійся въ нихъ навозъ. Сами плѣнные вынуждены были очистить полъ, послѣ чего имъ было дано незначительное количество соломы, которая, разбросанная тонкимъ слоемъ по бетонному полу конюшни, служила единственной подстилкой, на которой плѣнные проводили ночи.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ лагеряхъ, ко времени прибытія плѣнныхъ, уже были построены деревянные бараки.

Жизнь въ баракахъ, однако, не многимъ отличалась отъ жизни, которую влачили жители землянокъ.

Бараки были выстроены изъ тонкаго теса и сколочены наспѣхъ. Стѣны изобиловали щелями; крыши были изъ картона. Въ дождливые дни вода, просачиваясь чрезъ крыши и стѣны, обильными потоками заливала все пространство внутри бараковъ; поставленныя въ нихъ печи топились рѣдко, и топка ихъ была безцѣльна: холодный воздухъ, имѣя свободный доступъ, быстро изгонялъ то незначительное количество тепла, которое могли дать печи. Въ баракахъ было холодно и сыро.

Матрацы, подушки и одѣяла были розданы въ лагеряхъ лишь въ Декабрѣ 1914 г., а до этого времени, несмотря на наступленіе морозовъ, плѣнные спали или на полу барака, или на расположенныхъ въ два яруса деревянныхъ нарахъ, на соломѣ; послѣдняя не мѣнялась и быстро превращалась въ сырую вонючую труху, кишащую множествомъ паразитовъ. Въ дождь и вьюгу обитатели верхнихъ рядовъ наръ были лишены возможности спать на своихъ мѣстахъ: промокшіе до нитки они искали пріюта или среди спавшихъ на нижнихъ нарахъ, для которыхъ верхній рядъ наръ служилъ прикрытіемъ отъ проникавшей

черезъ крышу воды, или проводили ночь въ какомъ-либо болѣе сухомъ углу барака.

Пища, которою питали плѣнныхъ, была одинаковаго качества во всѣхъ концентраціонныхъ лагеряхъ Австро-Венгріи и разнилась лишь въ незначительныхъ мелочахъ. **Пища въ лагеряхъ.**

Въ 6 часовъ утра плѣннымъ давали кофе изъ ячменныхъ зеренъ, желудей и цикорія или чай, заваренный изъ сухихъ листьевъ ежевики; въ нѣкоторыхъ лагеряхъ утренній кофе и чай замѣнялись болтушкой изъ кипяченой воды съ распущенной въ ней въ незначительномъ количествѣ кукурузной мукой. Обѣдъ состоялъ изъ супа, т. е воды, сваренной съ картофелемъ, брюквой, морковью и фасолью; въ началѣ плѣна три раза въ недѣлю крошили въ супъ маленькіе кусочки мяса, но ихъ было такъ мало, что они доставались далеко не всѣмъ; въ остальные дни недѣли супъ варился безъ мяса и представлялъ отваръ овощей, забѣленный мукой. Въ рѣдкихъ случаяхъ мясо замѣнялось рыбой, но настолько недоброкачественной, что она отравляла своимъ зловоніемъ супъ и дѣлала его совершенно несъѣдобнымъ.

Хлѣбъ выдавался плѣннымъ на сутки въ количествѣ не болѣе одного фунта на каждаго; затѣмъ порція эта постепенно уменьшалась и къ началу весны 1915 г. дошла до $^1/_4$ фунта. Въ такой-же постепенности шло и ухудшеніе качества хлѣба, въ которомъ появлялось все большее и большее количество самыхъ разнообразныхъ примѣсей, до рубленой соломы включительно.

Лишь послѣ сбора урожая 1915 года, хлѣбъ вновь значительно улучшился въ качественномъ отношеніи, и порція его была увеличена,

Вечеромъ плѣнные получали кофе, чай или болтушку изъ муки, или сваренную со стручками перца горячую воду.

Такое питаніе, конечно, не могло въ достаточной мѣрѣ насыщать плѣнныхъ и они ходили по лагерю, разыскивая какую нибудь дополнительную пищу, которая, хотя бы на короткое время, могла унять томительную муку голода. Валявшійся на землѣ гнилой картофель, гдѣ либо тайкомъ взятая брюква, отбросы, собираемые изъ выгребныхъ ямъ,—все это съ жадностью

поглощалось людьми, мысль которыхъ была исключительно занята мечтою о ѣдѣ.

Эпидемическія заболѣванія.

Недостаточная, неудобоваримая, а иногда и недоброкачественная пища, постоянное недоѣданіе и вызванное этимъ крайнее физическое истощеніе были причиной возникновенія среди плѣнныхъ болѣзней эпидемическаго характера.

Голодный тифъ и холера унесли многія тысячи жертвъ.

Разсказы плѣнныхъ, пережившихъ время эпидемій холеры и тифа въ лагерѣ Эстергомѣ, полны такихъ, леденящихъ кровь, ужасовъ, что имъ, подчасъ, не хотѣлось бы вѣрить. Но не вѣрить этимъ разсказамъ нельзя; они исходятъ изъ устъ тѣхъ немногихъ, которые, перенеся всѣ испытанія, были сохранены судьбою какъ бы для того, чтобы свидѣтельствовать истину и чтобы чрезъ нихъ вся Россія, весь міръ, все человѣчество узнали о варварствѣ и звѣрствѣ австрійцевъ.

Лагерь въ Эстергомѣ, какъ уже было указано выше, не имѣлъ никакихъ жилыхъ построекъ. Плѣнные, которыхъ было болѣе двадцати тысячъ, жили подъ открытымъ небомъ, ночуя на голой и сырой землѣ. Въ грязныхъ, мокрыхъ одеждахъ голодные и истощенные, какъ тѣни, бродили они по лагерю, не имѣя даже возможности утолить жажду, нормально вызываемую голоданіемъ.

На границѣ лагеря была прорыта канава, по которой спускалась вода, отработанная на находившемся недалеко отъ лагеря сахарномъ заводѣ; въ эту же канаву были отведены стоки заводскихъ нечистотъ, и вода изъ этой канавы должна была утолять жажду плѣнныхъ.

Сначала изрѣдка, но съ каждымъ днемъ чаще въ лагерѣ стали наблюдаться случаи заболѣванія холерой. Медицинская помощь отсутствовала; болѣзнь протекала бурно, и смерть стала вырывать ежедневно по нѣсколько десятковъ жизней.

Болотистая почва, пропитанная извержеміями больныхъ, недостаточность питанія и, главнымъ образомъ, отсутствіе здоровой питьевой воды въ значительной степени способствовали дальнѣйшему развитію эпидеміи и увеличенію смертности среди заболѣвшихъ.

Когда, наконецъ, въ послѣднихъ числахъ Августа 1914 г., холера достигла такихъ размѣровъ, что стала угрожать поголовнымъ вымираніемъ, австрійскія власти рѣшили упразднить этотъ очагъ смерти: всѣ плѣнные, раздѣленные на три группы, были выведены. Первая группа, въ которую входило около семи тысячъ подозрительныхъ по холерѣ больныхъ, была переведена за 3—4 версты въ поросшую лѣсомъ и кустарникомъ гористую, песчаную мѣстность; вторая—была размѣщена въ значительномъ разстояніи, въ новомъ лагерѣ и, наконецъ, третьей группѣ была указана болѣе здоровая по свойству почвы площадь, на которой плѣнные стали спѣшно строить деревянные бараки.

То, что передаютъ несчастные, которыхъ судьба закинула въ горы, въ этотъ лагерь болѣзни и смерти, не можетъ не вызвать чувства ужаса и глубокаго негодованія.

Больныхъ холерой и подозрительныхъ по болѣзни, въ почти истлѣвшемъ отъ времени бѣльѣ, въ рваныхъ мундирахъ и гимнастеркахъ, едва прикрывавшихъ истощенное тѣло, босикомъ выгнали изъ Эстергомскаго лагеря и пригнали въ горы, на которыхъ и даже вблизи которыхъ не было никакихъ построекъ.

Здѣсь, среди пустынныхъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ и кустарникомъ, плѣнные, какъ отверженные міромъ, должны были жить, страдать и умирать...

Поставленные въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга фонари опредѣляли границу лагеря, переступать которую плѣннымъ было запрещено подъ страхомъ разстрѣла. Рѣдкіе посты часовыхъ были расположены за линіей фонарей; далѣе, верстахъ въ двухъ отъ границы лагеря, была устроена кухня, въ которой готовилась пища.

Первую ночь все семитысячное населеніе лагеря провело подъ открытымъ небомъ. Пережившіе эту ужасную ночь въ послѣдующіе дни вырыли норы въ песчаной почвѣ горъ и какъ звѣри, съ наступленіемъ темноты, укрывались въ этихъ логовищахъ, не имѣя ни соломы, ни другихъ какихъ-либо подстилокъ, лежа на голой, холодной и сырой землѣ.

Ночью, когда все стихало, въ лагерѣ слышались лишь стоны умирающихъ и рыданія еще живыхъ, но ждущихъ своего смертнаго часа людей...

Утромъ жизнь въ лагерѣ начиналась съ уборки умершихъ за ночь. Покойниковъ извлекали изъ норъ, поднимали у подножія холмовъ и несли къ вырытой заранѣе ямѣ, гдѣ безъ гробовъ зарывали въ общей могилѣ, надъ которой ставился лишь одинъ, связанный изъ вѣтвей, убогій крестъ.

Скудную пищу плѣнные должны были приносить себѣ сами; котлы съ утреннимъ и вечернимъ кофе и супомъ къ обѣду выносились изъ кухни австрійскими солдатами на опредѣленное мѣсто, послѣ чего австрійцы спѣшно удалялись; къ котламъ подходили плѣнные и уносили ихъ въ лагерь. Послѣ раздачи пищи, котлы снова выносились изъ лагеря на указанное мѣсто, гдѣ ихъ, по уходѣ плѣнныхъ, убирали австрійцы.

Вблизи лагеря не было ни рѣчки, ни озера. Небольшой колодезь, вырытый въ низинѣ, между двумя холмами, содержалъ такое незначительное количество воды, что ея едва хватало для питья; о стиркѣ бѣлья или возможности вымыть тѣло не могло быть и рѣчи; плѣнные изнемогали отъ паразитовъ, не дававшихъ имъ покоя ни днемъ, ни ночью. Вскорѣ послѣ водворенія въ лагерь, плѣннымъ было запрещено пользованіе и этой водой, такъ какъ колодезь былъ вырытъ въ непосредственной близости отъ мѣста, указаннаго для отправленія естественной надобности. Нечистоты, пропитавъ землю, проникли въ колодезь и совершенно отравили воду, сдѣлавъ ее негодной для питья; тогда къ границѣ лагеря стали подвозить воду въ бочкахъ, но въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что плѣннымъ волей-неволей, вопреки запрещенію, приходилось пользоваться водой изъ отравленнаго колодца и ею утолять жажду.

Пища, которою поддерживалась жизнь плѣнныхъ, была еще менѣе питательна, а количество ея еще скромнѣе, чѣмъ въ лагеряхъ. Хлѣбъ выдавался минимальными порціями и то не каждый день.

Голодъ доводилъ плѣнныхъ до полнаго отчаянія, а возможность купить что-либо, хотя бы за большія деньги, была совершенно исключена, такъ какъ плѣнные не имѣли и не могли имѣть общенія съ другими, внѣ лагеря живущими лицами.

Гонимыя голодомъ, небольшія партіи плѣнныхъ въ сумерки выходили изъ лагеря и подъ прикрытіемъ темноты, стараясь

обмануть бдительность часовыхъ, рискуя ежеминутно быть убитыми выстрѣломъ или ударомъ приклада и штыка, какъ воры, прокрадывались къ выгребнымъ ямамъ, гдѣ выбирали все, что было за негодностью выброшено изъ кухни и что имѣло хотя-бы малѣйшій признакъ съѣдобнаго: шелуху отъ картофеля, куски высохшаго хлѣба, гнилые овощи, внутренности селедокъ. Съ этой добычей плѣнные возвращались въ лагерь и здѣсь, укрывшись въ норахъ и разведя костры, въ котелкахъ и мискахъ варили собранные отбросы, заливая ихъ водой, взятой изъ отравленнаго человѣческими экскрементами колодца.

Въ лагерѣ не было ни медицинскаго надзора, ни помощи. Лишь одинъ разъ въ лагерь прибылъ австрійскій врачъ, который сдѣлалъ больнымъ и здоровымъ противохолерную прививку.

Въ такихъ условіяхъ несчастные, изъ числа которыхъ умерло болѣе 4500 человѣкъ, прожили около двухъ мѣсяцевъ, и лишь 8 Ноября 1914 г., когда эпидемія нѣсколько стихла, ихъ перевели въ новый лагерь, въ которомъ уже были выстроены бараки.

Одинъ изъ бараковъ былъ предназначенъ для австрійскихъ солдатъ, въ другихъ были размѣщены плѣнные, часть же ихъ за переполненіемъ бараковъ была разселена по землянкамъ, надъ которыми были поставлены деревянные навѣсы.

Въ дождливые дни вода, просачиваясь чрезъ досчатый навѣсъ и стекая въ землянки, наполняла послѣднія; чтобы не лежать въ водѣ въ теченіе ночи, ее приходилось вычерпывать мисками. Солома отъ постоянной сырости загнила, издавала невыносимое зловоніе и тѣмъ не менѣе служила единственной подстилкой, на которой плѣнные могли протянуть свои усталые и исхудалые члены.

Новый, не менѣе холеры страшный, бичъ не заставилъ себя ждать долго—это былъ тифъ.

Въ продолженіе значительнаго времени не принималось никакихъ мѣръ къ прекращенію эпидеміи, и лишь когда число жертвъ, вырываемыхъ смертію изъ среды плѣнныхъ, стало угрожающимъ, часть лагеря, гдѣ плѣнные жили въ землянкахъ, и одинъ изъ бараковъ, въ которомъ наблюдались наиболѣе частые заболѣванія, были отдѣлены отъ остального лагеря высокимъ тесовымъ заборомъ, выкрашеннымъ известью.

Австрійскіе врачи совершенно прекратили посѣщеніе этой части лагеря, и уходъ за тифозными былъ предоставленъ нѣсколькимъ русскимъ плѣннымъ врачамъ, присланнымъ для этой цѣли изъ другихъ лагерей. Всѣмъ безъ исключенія было запрещено входить въ огороженное мѣсто; часовые, стоявшіе у забора, штыками и прикладами отгоняли каждаго, кто осмѣливался подходить къ забору ближе указанной черты.

Для ухода за больными и работъ на кухнѣ было назначено нѣсколько десятковъ русскихъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ, на обязанности которыхъ одновременно лежало хоронить умершихъ. Ежедневно по утрамъ выносились длинныя вереницы гробовъ.

Несмотря на старанія врачей, смертность среди больныхъ не уменьшалась, что вызвало пріѣздъ въ лагерь старшаго австрійскаго врача. Ознакомившись съ условіями жизни плѣнныхъ, во всѣхъ ея подробностяхъ, старшій врачъ сдѣлалъ распоряженіе объ улучшеніи пищи плѣнныхъ и о выдачѣ ея въ большемъ количествѣ, и вскорѣ эпидемія стала постепенно ослабѣвать, пока не прекратилась окончательно.

Сколько молодыхъ, полныхъ силъ жизни нашихъ родныхъ воиновъ было бы сохранено, если-бы эта простая мѣра, улучшеніе пищи, была бы принята болѣе своевременно.

Обращеніе съ плѣнными въ концентраціонныхъ лагеряхъ.

Обращеніе съ плѣнными въ концентраціонныхъ лагеряхъ было возмутительно по своей грубости и жестокости.

Едва-ли найдется плѣнный, который за время своего пребыванія въ лагеряхъ не испыталъ на себѣ ударовъ палки и приклада; при этомъ удары наносились съ такою силой, ожесточеніемъ и звѣрствомъ, что приклады ружей нерѣдко разбивались въ щепы.

Отношеніе къ плѣннымъ не только австрійскихъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, но и лицъ, начальствующихъ въ лагеряхъ, лучше всего иллюстрируется случаемъ въ лагерѣ Терезіенштадтъ, свидѣтелемъ котораго былъ вольноопредѣляющійся 13 гусарскаго Нарвскаго полка Борисъ Николаевъ Мясоѣдовъ. Въ названномъ лагерѣ одинъ изъ австрійскихъ часовыхъ дозволилъ себѣ ударить по лицу плѣннаго вольноопредѣляющагося. Возмущенные такимъ поступкомъ товарищи оскорбленнаго заявили жалобу

коменданту, но послѣдній указалъ жалобщикамъ, что австрійскіе часовые могутъ не только бить, но и убивать плѣнныхъ; и, дѣйствительно, австрійскіе солдаты считали себя господами надъ жизнью и здоровьемъ плѣнныхъ. Самое ничтожное упущеніе вызывало насиліе, часто заканчивавшееся смертью.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ лагерѣ Брикъ, гдѣ содержалось значительное количество плѣнныхъ, была приведена съ боевого фронта новая партія. Плѣнные, имѣвшіе свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій лишь изъ австрійскихъ источниковъ, сообщавшихъ о непрерывныхъ и блестящихъ побѣдахъ австро-венгерскихъ войскъ, съ любопытствомъ окружили вновь прибывшихъ въ надеждѣ узнать правду. Но это имъ не удалось: австрійскій часовой безъ предупрежденія сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, и двое плѣнныхъ упали, убитые наповалъ. Очевидцемъ этого случая былъ подпрапорщикъ 73 пѣхотнаго Крымскаго полка Дмитрій Андреевъ Миронюкъ.

Въ томъже лагерѣ, по словамъ рядового 10 Стрѣлковаго полка Романа Иванова Шароненко, двое плѣнныхъ были ранены выстрѣломъ изъ винтовокъ лишь за то, что, не имѣя табаку, ходили у лагерной канавы, разыскивая выброшенные въ нее окурки.

Рядовой 16 Стрѣлковаго полка Максимъ Митрофановъ Хаустовъ разсказываетъ о случаѣ безпримѣрнаго звѣрства, свидѣтелемъ-очевидцемъ котораго онъ былъ.

Проходившая около проволочнаго загражденія, которымъ окруженъ былъ лагерь, мѣстная крестьянка бросила стоявшему недалеко отъ изгороди плѣнному кусокъ хлѣба. Несчастному не удалось поднять его: едва онъ нагнулся, какъ былъ сраженъ пулей изъ винтовки австрійскаго солдата.

Въ лагерѣ Линцъ, говоритъ рядовой 167 пѣхотнаго Острожскаго полка Михаилъ Ивановъ Скворцовъ, я былъ свидѣтелемъ того, какъ австрійскій часовой убилъ двухъ русскихъ плѣнныхъ. Они подошли къ хлѣбопекарнѣ и скромно попросили перемѣнить выданную имъ порцію хлѣба, такъ какъ послѣдній былъ сырой, и ѣсть его не представлялось возможности. Часовой сначала сталъ отгонять ихъ прикладомъ, а когда плѣнные побѣжали обратно къ бараку, бросился за ними и на бѣгу ударилъ одного штыкомъ, а другому въ догонку послалъ изъ винтовки смертельную пулю.

О подобномъ же случаѣ въ лагерѣ Саморіа разсказываетъ рядовой 65 пѣхотнаго Московскаго полка Іосифъ Игнатьевъ Рышкевичъ. Часовой закололъ плѣннаго за просьбу перемѣнить выданный ему недостаточно пропеченный хлѣбъ. Желая, чтобы указанный случай звѣрства не получилъ въ лагерѣ огласки, комендантъ потребовалъ отъ русскаго плѣннаго врача удостовѣреніе въ томъ, что убитый умеръ естественною смертью.

Врачъ не подчинился требованію, за что, по распоряженію коменданта, былъ выгнанъ изъ своего барака и оставленъ въ теченіе двухъ сутокъ подъ открытымъ небомъ.

На глазахъ старшаго унтеръ-офицера 207 пѣхотнаго Ново-Баязетскаго полка Николая Степанова Шаталова, за громкую жалобу на недостаточность и недоброкачественность пищи въ лагерѣ одинъ изъ плѣнныхъ былъ убитъ ударомъ штыка.

Въ лагерѣ Фельдбахъ плѣннымъ было запрещено по одиночкѣ ходить въ отхожее мѣсто; лишь партіями въ нѣсколько человѣкъ, подъ надзоромъ часового, разрѣшалось для этой цѣли выходить изъ барака. Одинъ изъ плѣнныхъ, очевидно, болѣвшій желудкомъ, вышелъ изъ барака и направился къ отхожему мѣсту. Часовой безъ оклика сдѣлалъ по немъ выстрѣлъ. Пуля, однако, не задѣвъ того, кому она предназначалась, попала въ баракъ и ранила двухъ въ немъ спавшихъ. Одному изъ раненыхъ пришлось ампутировать ногу, и черезъ нѣсколько дней онъ умеръ.

Подпрапорщикъ 43 пѣхотнаго Охотскаго полка Федоръ Николаевъ Бѣлозерцевъ былъ очевидцемъ того, какъ австрійскій часовой закололъ плѣннаго, который, мучимый жаждой, вышелъ ночью изъ барака за водой. Тотъ же Бѣлозерцевъ неоднократно видѣлъ лежавшіе въ лагерѣ на землѣ трупы. Это были плѣнные, пристрѣленные за то, что они ходили по лагерю на поиски сырого картофеля, въ надеждѣ хотя бы этой неудобоваримой пищей утолить голодъ.

Старшій унтеръ-офицеръ 5 Стрѣлковаго полка Евдокимъ Лаврентьевъ Бочаровъ разсказываетъ, что на его глазахъ разновременно было тяжело ранено нѣсколько плѣнныхъ, просившихъ о выдачѣ дополнительной порціи супа. Тотъ же Бочаровъ удостовѣрилъ, что въ лагерѣ, въ которомъ онъ содержался, часовой безъ всякой причины прицѣлился въ мирно сидѣвшаго

около барака плѣннаго и убилъ его наповалъ. Возмущенные этимъ случаемъ очевидцы заявили жалобу коменданту, который нашелъ достаточнымъ наказать изверга-часового десятью днями простого ареста.

О болѣе еще возмутительномъ случаѣ убійства сообщилъ возвращенный на родину инвалидъ, прапорщикъ 284 пѣхотнаго Венгровскаго полка Стефанъ Кондратовичъ Косецкій. Въ лагерѣ Эстергомъ часовой-мадьяръ совершенно безпричинно закололъ штыкомъ проходившаго мимо него плѣннаго и на вопросъ, чѣмъ вызвано это варварское убійство, хладнокровно отвѣтилъ, что хотѣлъ провѣрить, достаточно ли хорошо отточенъ штыкъ.

Одинъ изъ плѣнныхъ въ лагерѣ Терезіенштадтъ былъ раненъ ударомъ штыка за то, что у колодца не въ урочный часъ мылъ миску, въ которой получалъ пищу.

Въ лагерѣ Миловицы одинъ изъ плѣнныхъ былъ на глазахъ рядового 9 гренадерскаго Сибирскаго полка Федора Иванова Романова избитъ за то, что поднялъ съ земли кѣмъ-то оброненное яблоко; но этого австрійскимъ варварамъ оказалось мало: провинившагося сверхъ того на два часа подвѣсили къ столбу и сняли лишь тогда, когда онъ отъ страданій потерялъ сознаніе.

Стараясь устранить въ лагерѣ возможность скопленія въ одномъ мѣстѣ значительнаго числа плѣнныхъ, австрійцы вмѣняли имъ въ обязанность всюду соблюдать очередь; при раздачѣ пищи плѣнные должны были стоять въ затылокъ другъ къ другу, и нарушеніе этого порядка строго запрещалось и влекло за собою удары штыкомъ или прикладомъ.

Но не всегда удавалось заставить плѣнныхъ не нарушать установленной очереди.

Въ лагерѣ Терезіенштадтъ бывали случаи, что количество приготовленной пищи не соотвѣтствовало численности плѣнныхъ и многимъ поэтому грозила опасность остаться голодными. Не удивительно, что плѣнные, боясь лишиться и той скромной порціи, которая имъ отпускалась, при первой же командѣ бросались къ котламъ, обгоняя другъ друга. Австрійскіе солдаты врывались тогда въ толпу и ударами палокъ направо и налѣво старались разогнать плѣнныхъ; послѣдніе, спасаясь отъ ударовъ и не желая вмѣстѣ съ тѣмъ отходить далеко отъ кот-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА 866003

ловъ, бросались изъ стороны въ сторону, нерѣдко затаптывая въ грязь тѣхъ, кто, не удержавшись на ногахъ, падалъ на землю.

Это былъ „сущій адъ", говоритъ рядовой 192 Ревницкаго полка Максимъ Андреевъ Петровскій.

На глазахъ ефрейтора 128 пѣхотнаго Старооскольскаго полка Ѳомы Кондратова Кононюка австрійскій часовой ударомъ штыка нанесъ сквозную рану въ ногу плѣнному, все преступленіе котораго состояло въ томъ, что онъ, не понявъ окрика, сдѣланнаго на незнакомомъ ему языкѣ, не отошелъ отъ забора, около котораго стоялъ.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ мало нашими врагами цѣнились жизнь и здоровье плѣнныхъ.

Жизнь плѣнныхъ офицеровъ.

Плѣнные русскіе офицеры жили въ сравнительно лучшихъ условіяхъ, но и у нихъ дни плѣна оставили самое тяжелое воспоминаніе.

Въ лагерѣ Дунасердагель плѣнные офицеры содержались въ холодныхъ баракахъ, безъ печей, скудно освѣщаемыхъ шестью небольшими окнами. Въ одной комнатѣ помѣщалось до 38 человѣкъ, при чемъ кровати стояли такъ тѣсно, что почти соприкасались другъ къ другу. Крыша и стѣны барака протекали, и матрацы, набитые соломой, а также подушки, безъ наволокъ, были всегда мокры. Вечеромъ баракъ освѣщался тремя небольшими лампами, дававшими такъ мало свѣта, что писать или читать не было возможности.

Обстановка комнаты ограничивалась нѣсколькими грубо сколоченными деревянными столами и такими же скамьями. Постельное бѣлье не мѣнялось, и мокрыя постели изобиловали паразитами.

Баракъ былъ окруженъ проволочнымъ заборомъ, вдоль котораго были поставлены часовые; послѣдніе грубо окрикивали и грозили штыками при приближеніи плѣнныхъ къ забору. Посѣщеніе города, хотя бы подъ охраною часовыхъ, было запрещено, и плѣнные были лишены возможности купить табакъ, мыло и тому подобныя необходимыя вещи. Два раза въ день офицеровъ выстраивали передъ баракомъ, и австрійскій унтеръ-офицеръ производилъ перекличку.

Пища, которою вынуждены были питаться плѣнные офицеры, была въ высшей степени неудовлетворительна и скудна. Утромъ—противный на вкусъ кофе, къ обѣду—супъ изъ овощей—на первое и маленькій кусочекъ отварного мяса съ картофелемъ—на второе. Плѣнные голодали и вынуждены были покупать за высокую цѣну дополнительную пищу у мѣстнаго кантинщика, но и это было впослѣдствіи запрещено; плѣннымъ по вечерамъ стали выдавать какао, сваренное на водѣ, но такого ужаснаго вкуса, что пить его никто не могъ; небольшой кусокъ вонючаго тильзитскаго сыра дополнялъ этотъ скромный ужинъ.

Обращеніе съ плѣнными со стороны австрійскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, отличавшееся недоброжелательствомъ и грубостью, съ достаточною ясностью можетъ быть обрисовано показаніемъ прапорщика 284 пѣхотнаго Венгровскаго полка Стефана Кондратовича Косецкаго.

Въ лагерѣ Дунасердагель, по словамъ Косецкаго, былъ прочитанъ приказъ, по которому плѣнные офицеры въ суточный срокъ должны были снять съ себя погоны, полковые значки и кокарды. Находя, что требованіе это является глумленіемъ надъ самолюбіемъ, офицеры отказались добровольно исполнить приказъ. По истеченіи сутокъ въ баракъ вошелъ австрійскій офицеръ въ сопровожденіи взвода солдатъ и приступилъ къ насильственному срѣзанію погонъ.

Стоявшій въ строю, въ числѣ первыхъ, прапорщикъ 60 пѣхотнаго Замостскаго полка Волковъ оттолкнулъ унтеръ-офицера, грубо схватившаго его за плечи. Немедленно Волковъ былъ окруженъ, опрокинутъ на кровать и съ него были сорваны погоны вмѣстѣ съ частью одежды. Послѣ этого австрійскій офицеръ подходилъ по-очереди къ каждому плѣнному и, направляя револьверъ на послѣдняго, стоялъ въ этой угрожающей позѣ, пока солдаты срѣзали погоны и срывали значки и кокарды.

Въ томъ же лагерѣ плѣнный русскій врачъ Станиславъ Вѣшинскій, бывшій очевидцемъ безпричиннаго убійства плѣннаго часовымъ-мадьяромъ, желавшимъ лишь испытать остроту своего штыка, обратился съ протестомъ къ коменданту лагеря и потребовалъ строгаго наказанія мадьяра-убійцы. Комендантъ

не только не наказалъ послѣдняго, а сдѣлалъ распоряженіе о взятіи доктора Вѣшинскаго подъ строгій арестъ на десять дней и мѣстомъ отбытія ареста назначилъ отхожее мѣсто, въ которомъ несчастный пробылъ десять дней и десять ночей, лежа на голомъ полу и почти лишенный пищи.

Въ Коммисіи имѣется письмо изъ Австріи слѣдующаго содержанія:

„Видѣлъ много я издѣвательствъ за 11 мѣсяцевъ плѣна, „но здѣшній комендантъ, кажется, хочетъ превзойти все. Вы „уже знаете, что я боленъ, и болѣзнь моя прогрессируетъ; я „скоро не въ состояніи буду поворотить языкъ во рту: онъ „представляетъ собою какую-то вспухшую массу, весь потре„скался, по утрамъ сочится кровь. Дальше говорить не стану. „Это ужасно. Докторъ, поившій меня какою-то микстурою, на„конецъ, пришелъ къ заключенію, что необходимо отправить „меня въ госпиталь. Долго онъ отдѣлывался обѣщаніями и „только вчера доложилъ коменданту. На его заявленіе комен„дантъ отвѣтилъ въ категорической формѣ, что бѣглеца въ „госпиталь не отправитъ. Услышать что-либо большее я вѣ„роятно не смогу. Это лучшій образецъ гуманности. Не имѣя „возможности дольше терпѣть мученія, я обращаюсь съ Вамъ, „не найдете-ли Вы возможнымъ посодѣйствовать просьбою или „протестомъ противъ такого обращенія. Далѣе буду просить „офиціальнаго разстрѣла; онъ лучше для меня мученій и издѣ„вательствъ. Вѣдь подобная вещь можетъ быть не съ однимъ „мною. Послѣ всего я буду думать о крайнемъ и послѣднемъ „выходѣ изъ такого положенія“.—

Работы военно-плѣнныхъ.

Австрійцы, также какъ и германцы, широко эксплоатировали даровой трудъ военноплѣнныхъ; руками послѣднихъ было оборудовано большинство лагерей въ Австро-Венгріи.

Плѣнные рыли канавы на границахъ и внутри лагерей, проводили дороги, возводили постройки и, замѣняя лошадей, доставляли съ желѣзнодорожной станціи, отстоявшей иногда за нѣсколько верстъ, все необходимое: бревна, доски, камень, желѣзо, цементъ, провіантъ и т. п. Очистка отхожихъ мѣстъ и выгребныхъ ямъ, равнымъ образомъ, лежала на обязанности

плѣнныхъ, при чемъ бочки съ нечистотами вывозились ими за предѣлы лагеря на себѣ.

При недостаткѣ работъ въ мѣстахъ расположенія лагерей плѣнныхъ высылали въ лѣса и болота, гдѣ они валили деревья, пилили и кололи дрова, корчевали пни и дренажировали мѣстность.

Ежедневно въ 6 часовъ утра плѣнные выходили изъ бараковъ, замѣшкавшихся выгоняли ударами палокъ, прикладовъ и штыковъ. Австрійскіе унтеръ-офицеры и солдаты не вѣрили и не хотѣли вѣрить заявленіямъ о болѣзни. Между здоровыми и больными не дѣлалось никакой разницы; на работу должны были итти всѣ; исключенія не дѣлалось даже для того, кто еще не могъ считаться вполнѣ оправившимся послѣ полученныхъ имъ въ бояхъ пораненій и контузій.

Работы продолжались до наступленія темноты съ однимъ краткимъ перерывомъ для обѣда. Количество получаемой пищи, малопитательной по качеству, совершенно не соотвѣтствовало тяжести труда и продолжительности рабочаго дня: плѣнные быстро ослабѣвали и падали отъ истощенія. Тогда на нихъ щедро сыпались удары палокъ и нагаекъ австрійскихъ наблюдателей. Тяжесть работъ усугублялась еще тѣмъ, что плѣнные, не имѣя теплой одежды и прочныхъ сапогъ, и въ большинствѣ босые, невѣроятно страдали отъ холода, въ особенности тѣ, которые, стоя въ холодные осенніе дни по поясъ въ водѣ, несли трудъ по осушкѣ болотъ.

Работы, за которыя плѣнные лишь въ рѣдкихъ случаяхъ получали самое ничтожное вознагражденіе, назначались поурочно. Каждый за день долженъ былъ исполнить заданный ему урокъ, и неисполненіе его влекло лишеніе горячей пищи, а иногда и хлѣба, на весь слѣдующій день. Тѣмъ не менѣе наказанный не освобождался отъ работъ и, проведя день безъ пищи, къ вечеру доходилъ до такого изнеможенія, что въ почти безсознательномъ состояніи доставлялся въ лагерь на рукахъ и спинахъ утомленныхъ товарищей.

Съ наступленіемъ болѣе теплыхъ дней партіи отъ 200 до 1000 человѣкъ направлялись въ разныя мѣста на общественныя работы; мелкія партіи по 10 — 20 человѣкъ распредѣлялись между помѣщиками и крестьянами.

По единогласному показанію всѣхъ вернувшихся изъ плѣна, для тѣхъ счастливцевъ, которые были отправлены на полевыя работы къ крестьянамъ и помѣщикамъ, наступали лучшіе дни: пища выдавалась въ большемъ количествѣ, была значительно лучше, обращеніе было человѣчнѣе. Но и здѣсь, конечно, были исключенія.

Старшій унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Григорій Пантелеймоновъ Соловьевъ разсказываетъ, что работавшіе у одного изъ помѣщиковъ въ Венгріи плѣнные, которымъ не давалось отдыха и въ праздничные дни, забастовали и въ воскресенье не вышли на работу. Когда уговоры и угрозы не помогли, австрійскій часовой выстрѣлилъ въ плѣнныхъ и тяжело ранилъ одного изъ нихъ.

О такомъ же случаѣ наказанія за отказъ отъ работъ въ праздничный день разсказываетъ рядовой 274 пѣхотнаго Изюмскаго полка Андрей Яковлевъ Звегинцевъ. 15-го Августа работавшіе на полевыхъ работахъ у помѣщика плѣнные, въ числѣ которыхъ былъ и Звегинцевъ, сговорились не выходить изъ конюшни, гдѣ они жили, и отказаться отъ работъ. За это своеволіе плѣнные были подвѣшены къ столбамъ, каждый на два часа.

Тяжелые часы и дни прожили наши герои-мученики на общественныхъ работахъ въ Карпатахъ, на румынской и итальянской границахъ. Работы эти безъ преувеличенія могутъ быть названы каторжными.

Въ Карпатахъ, въ непривычной русскому человѣку гористой мѣстности, плѣнные проводили желѣзныя и автомобильныя дороги. Съ 5 часовъ утра до 8 часовъ вечера кирки и лопаты не выходили изъ ихъ рукъ; спины и руки ныли отъ возимыхъ по горамъ тачекъ, груженыхъ землею и камнемъ.

Горохъ или кукуруза, свареная безъ мяса, иногда совершенно сгнившіе, негодные къ употребленію консервы и незначительный по размѣрамъ кусокъ хлѣба, испеченнаго изъ муки съ разною примѣсью,—вотъ все, чѣмъ плѣнные должны были поддерживать свои съ каждымъ днемъ слабѣющія силы.

Отъ условій ли мѣстности или по какимъ-либо другимъ, невыясненнымъ причинамъ, плѣнные стали страдать куриною слѣпотою и въ темнотѣ, возвращаясь на ночлегъ съ мѣста работъ, срывались съ возвышенныхъ мѣстъ, падали и безпо-

мощно оставались лежать, не будучи въ состояніи подняться и итти далѣе безъ посторонней помощи.

Ночи плѣнные проводили въ шатрахъ, сплетенныхъ изъ вѣтвей, лежа въ грязи, холодѣ и сырости на подстилкахъ изъ еловой и сосновой хвои.

Вызываемая этими условіями жизни смертность среди плѣнныхъ была огромна; большинство умирало не отъ какихъ-либо опредѣленныхъ болѣзней, а отъ полнѣйшаго физическаго истощенія и остраго малокровія.

Истязанія, удары палками, лишеніе и безъ того болѣе чѣмъ скромной пищи, подвѣшиваніе къ столбу примѣнялись къ плѣннымъ за малѣйшее нарушеніе установленныхъ строгихъ правилъ. За просьбу дать кусокъ хлѣба, чтобы утолить нестерпимый голодъ, одинъ изъ плѣнныхъ, на глазахъ ефрейтора 328 пѣхотнаго Новоузенскаго полка Порфирія Терентьева Дмитренко, получилъ тяжелый ударъ штыкомъ. За куреніе во время работъ старшій унтеръ-офицеръ Акимовъ, по словамъ свидѣтеля—очевидца ефрейтора 190 пѣхотнаго Очаковскаго полка Родіона Петрова Шишкина, былъ посаженъ въ холодный, выкопанный въ землѣ карцеръ, гдѣ его со связанными руками и ногами продержали восемь часовъ безъ пищи и питья. У несчастнаго такъ распухли руки и ноги, что онъ не могъ сдѣлать шага и не былъ въ состояніи поднять рукъ.

На границахъ Румыніи и Италіи работы плѣнныхъ состояли въ возведеніи укрѣпленій и рытьѣ окоповъ; къ этимъ работамъ плѣнные принуждались силой.

Вольноопредѣляющійся 13 гусарскаго Нарвскаго полка Борисъ Николаевичъ Мясоѣдовъ, при допросѣ его членомъ Высочайше учрежденной Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи, показалъ, что въ концѣ іюля 1915 г. партія плѣнныхъ была приведена въ Дутовліе на работы; несмотря на требованіе плѣнныхъ, имъ не было объявлено, какая именно работа будетъ производиться трудами ихъ рукъ. По прибытіи въ Дутовліе среди плѣнныхъ пронесся слухъ, что ихъ заставятъ рыть окопы для защиты австрійской территоріи отъ наступленія итальянскихъ войскъ. Не желая участвовать въ возведеніи укрѣпленій противъ нашихъ союзниковъ, плѣнные не встали

на работу, и рядовой 130 пѣхотнаго Херсонскаго полка Дмитрій Старовѣровъ объяснилъ австрійскому офицеру причину такого поведенія плѣнныхъ. По приказу офицера Старовѣровъ былъ немелленно, на глазахъ всѣхъ плѣнныхъ, разстрѣлянъ австрійскими солдатами; нѣсколько человѣкъ было затѣмъ подвѣшено къ столбамъ, а остальныхъ, упорствующихъ, окружили солдаты, и плѣннымъ было объявлено, что они будутъ стоять подъ открытымъ небомъ и безъ пищи до тѣхъ поръ, пока не подчинятся требованію и не встанутъ на работу. Плѣнные, однако, не сдались, простояли до вечера и заставили австрійцевъ перевести ихъ въ другое мѣсто на постройку желѣзной дороги.

Такой же случай отказа отъ работы произошелъ вблизи румынской границы. Объ этомъ случаѣ разсказываетъ очевидецъ его, подпрапорщикъ 43 пѣхотнаго Охотскаго полка Петръ Николаевъ Бѣлозерцевъ.

Плѣнные, въ количествѣ около 400 человѣкъ, прибыли на мѣсто работъ и лишь здѣсь отъ сопровождавшихъ ихъ конвоировъ узнали, что должны рыть окопы. Плѣнные отказались, несмотря на то, что имъ за отказъ грозили разстрѣломъ. Видя безуспѣшность уговоровъ и угрозъ, австрійскій лейтенантъ приказалъ плѣннымъ выстроиться противъ взвода австрійскихъ солдатъ, взявшихъ ружья на изготовку. Раздался первый залпъ, сдѣланный поверхъ головъ плѣнныхъ; послѣдніе опустились на колѣни и запѣли молитву; лейтенантъ приказалъ прекратить пѣніе и предупредилъ, что при дальнѣйшемъ упорствѣ всѣ поголовно будутъ немедленно разстрѣляны. Страхъ смерти заставилъ плѣнныхъ подчиниться, и лишь 10 человѣкъ остались тверды въ своемъ отказѣ и были куда то отведены. Какова была ихъ дальнѣйшая участь, неизвѣстно—болѣе ихъ, однако, никто не видѣлъ.

Младшій унтеръ-офицеръ 237 пѣхотнаго Грайворонскаго полка Калиникъ Варфоломѣевъ Слиденко былъ въ числѣ тысячи другихъ отправленъ въ Темишваръ на работу. Плѣнные были разбиты на отдѣльныя партіи, по 30 человѣкъ въ каждой, выведены въ поле, и имъ было приказано рыть окопы. Несмотря на угрозу немедленнымъ разстрѣломъ, въ случаѣ отказа отъ работъ, плѣнные положили лопаты. Ни предупрежденія, ни

угрозы не помогли; тогда ослушниковъ отвели въ сарай, гдѣ продержали двое сутокъ безъ пищи и питья, послѣ чего вывели въ поле, и десять старшихъ унтеръ-офицеровъ были передъ фронтомъ плѣнныхъ высѣчены розгами настолько жестоко, что одинъ изъ нихъ тутъ же скончался. Приведенные въ ужасъ этой картиной человѣческихъ страданій, плѣнные уступили требованію безпощаднаго врага и встали на работу.

28 августа 1915 г. партіи плѣнныхъ, доставленной на румынскую границу, было приказано приступить къ возведенію оборонительныхъ окоповъ. Просьба плѣнныхъ объ освобожденіи ихъ отъ этой работы была оставлена безъ удовлетворенія, и австрійскій полковникъ, прибывшій на мѣсто работъ, вынулъ изъ кобуры револьверъ и объявилъ, что пристрѣлитъ каждаго, кто не встанетъ немедленно на работу.

Предъ лицомъ неминуемой смерти плѣнные не могли упорствовать далѣе.

О возмутительномъ по своей гнусности случаѣ сообщаетъ младшій унтеръ-офицеръ 173 пѣхотнаго Каменецкаго полка Ефимъ Дмитріевъ.

30 іюня 1915 г., партія въ 500 приблизительно человѣкъ была доставлена въ Галицію, въ м. Рудникъ близъ Сана. Прежде всего плѣннымъ, по прибытіи ихъ на мѣсто, дали нѣсколько дней полнаго отдыха, а затѣмъ приступили къ постройкѣ бараковъ, въ которыхъ они должны были проводить ночи. Такое непривычно доброжелательное отношеніе къ плѣннымъ вызвало у послѣднихъ не малое удивленіе, которое возросло, когда стали выдавать прекрасную по качеству и обильную пищу. „Хлѣба и мяса давали вдоволь“, говоритъ Дмитріевъ. Вскорѣ однако дѣло разъяснилось. Плѣннымъ приказали рыть окопы противъ русскихъ войскъ. Послѣ категорическаго ихъ отказа, стали грозить разстрѣломъ, лишили не только мяса, но и всякой пищи. Возмущенные такимъ издѣвательствомъ плѣнные твердо рѣшили умереть, но не подчиняться. Послѣ нѣсколькихъ дней голоданія, безропотно перенесенныхъ, австрійцы, видя, что никакія мѣры не могутъ сломить упорство и заставить русскаго солдата рыть окопы противъ своихъ братьевъ, перевели плѣнныхъ на итальянскую границу, гдѣ трудъ ихъ былъ употребленъ на прокладку желѣзнодорожнаго пути.

Содержащихся въ Будапештѣ русскихъ плѣнныхъ, по словамъ старшаго унтеръ-офицера 1 Сибирскаго стрѣлковаго полка Николая Федорова Мищенко, посылали на работы на желѣзодѣлательный заводъ. Увидя, что на этомъ заводѣ, между прочимъ, приготовляются боевые снаряды для австрійской арміи, плѣнные отказались отъ работы на этомъ заводѣ и за это подверглись жестокому избіенію и подвѣшиванію къ столбамъ. Самъ разсказчикъ этого случая Мищенко былъ въ теченіе 18 дней ежедневно подвѣшиваемъ къ столбу. Но мѣры, принимаемыя австрійцами, не имѣли успѣха: число отказывающихся отъ работъ съ каждымъ днемъ увеличивалось. Прибывшій въ лагерь генералъ—чехъ по національности—вынужденъ былъ сдѣлать распоряженіе о переводѣ большинства плѣнныхъ въ другіе лагери.

Послѣ отъѣзда генерала въ лагерѣ началась дикая расправа съ тѣми, которыхъ администрація лагеря считала зачинщиками безпорядковъ: двадцать человѣкъ было изранено штыками, изъ нихъ восемь умерло.

Наказанія, примѣняемыя къ военноплѣннымъ.

Наказанія, примѣняемыя въ концентраціонныхъ лагеряхъ къ плѣннымъ, были разнообразны и служили лучшимъ доказательствомъ изобрѣтательности австрійцевъ по части звѣрства.

Каждый австрійскій воинскій чинъ, будь это офицеръ или рядовой солдатъ, ходилъ въ лагерѣ съ палкой и ременной нагайкой въ рукахъ. Удары въ изобиліи сыпались на тѣла и головы плѣнныхъ въ большинствѣ случаевъ безпричинно, такъ какъ самое ничтожное нарушеніе установленнаго въ лагерѣ порядка подвергало виновнаго уже другимъ, болѣе тяжкимъ наказаніямъ, каковыми были: арестъ на хлѣбѣ и водѣ, сѣченіе розгами, привязываніе и подвѣшиваніе къ столбу, сковываніе отдѣльныхъ частей тѣла, лежаніе въ закрытомъ наглухо гробу и другія.

Арестъ нормально назначался на срокъ отъ одного до двадцати одного дня; за покушеніе на побѣгъ срокъ ареста продолжался до двухъ мѣсяцевъ.

Арестованный проводилъ дни назначеннаго ему ареста въ абсолютно темномъ, лишенномъ притока свѣжаго воздуха, маленькомъ помѣщеніи, въ которомъ не было ни наръ, ни матраца, ни даже соломы; хлѣбъ выдавался въ самомъ незначительномъ

количествѣ; горячая пища—лишь черезъ два дня въ третій. Необходимыя прогулки для долгосрочно арестованныхъ не разрѣшались; арестованный выпускался лишь для очистки отхожихъ мѣстъ.

Какъ бы издѣваясь и глумясь надъ человѣкомъ, лишеннымъ въ теченіе многихъ дней воздуха и свѣта, австрійцы заставляли его, вмѣсто отдыха, дышать воздухомъ, отравленнымъ зловонными испареніями.

Отбывшій срокъ ареста выходилъ изъ мѣста своего тяжелаго заключенія истощеннымъ, полу-живымъ, не будучи въ состояніи открыть глаза отъ ослѣплявшихъ его первое время яркихъ лучей солнца. Нерѣдко отбываніе ареста соединялось съ привязываніемъ къ столбу. Каждый третій день, когда арестованному отпускалась горячая пища, его въ томъ-же карцерѣ на два часа привязывали къ столбу или кольцу, вдѣланному въ стѣну. Въ послѣднемъ случаѣ заключенный привязывался за руки въ такомъ положеніи, что могъ сидѣть лишь на полусогнутыхъ колѣняхъ; ни сѣсть, ни прислониться къ стѣнѣ, ни встать, чтобъ протянуть затекшія ноги, не представлялось возможности; вскорѣ послѣ начала казни усталыя колѣни начинали ныть и дрожать, и дрожь передавалась всему тѣлу. Наказаніе это, по словамъ его испытавшихъ, было невыносимо по своей мучительности.

Сѣченіе розгами производилось съ жестокостью, свойственною германскому племени.

Наказываемаго привязывали къ столу или скамьѣ, и австрійскіе солдаты били по голому тѣлу розгами изъ лозъ, пока спина и ягодицы не превращались въ окровавленную массу разорваннаго живого мяса или пока несчастный, ранѣе кричавшій отъ причиняемыхъ ему страданій, не смолкалъ на вѣки.

Привязываніе и подвѣшиваніе къ столбу не было наказаніемъ, измышленнымъ австрійцами исключительно для плѣнныхъ въ лагеряхъ. Наказаніе это, какъ дисциплинарное взысканіе, примѣнялось и примѣняется и къ австрійскимъ солдатамъ.

Вернувшіеся изъ плѣна нижніе чины, лично испытавшіе это наказаніе, въ своихъ разсказахъ нерѣдко указывали на то, что въ тѣхъ случаяхъ, когда къ столбу привязываетъ австрійскій

солдатъ, славянинъ по происхожденію, наказаніе это является, хотя и тяжкимъ, но выносимымъ; если же палачемъ былъ солдатъ-мадьяръ, то долѣе нѣсколькихъ десятковъ минутъ выдержать пытки нельзя. Сначала эти слова казались непонятными, но впослѣдствіи они разъяснились.

Наказаніе—подвѣшиваніе къ столбу—заключалось въ слѣдующемъ.

Къ врытому въ землю столбу подводятъ подлежащаго наказанію; руки и ноги связываются веревками, причемъ руки крестообразно — за спиной. Пропущенная между связанными руками и ногами веревка, прикрѣпленная въ нижнемъ своемъ концѣ къ веревкѣ, связывающей ноги, перекидывается черезъ блокъ, придѣланный къ вершинѣ столба и связанный такимъ образомъ человѣкъ подтягивался по столбу кверху до тѣхъ поръ, пока упоръ тѣла не ограничивался упоромъ о землю концами пальцевъ ногъ.

Способъ подвѣшиванія, который примѣнялся къ плѣннымъ, былъ однако другой и совершенно измѣнялъ самый характеръ наказанія.

Плѣннаго ставили на нѣсколько камней или кирпичей, положенныхъ у основанія столба. Связываніе и подвѣшиваніе производилось указаннымъ выше способомъ, но затѣмъ камни вышибались изъ-подъ ногъ, и тѣло, притянутое къ столбу, не имѣя рѣшительно никакого упора, повисало на воздухѣ. При этомъ способѣ подвѣшиванія тѣло наклонялось впередъ, кровь быстро приливала къ головѣ и выступала изъ носа, рта и ушей; лицо синѣло, и черезъ двадцать, много тридцать минутъ, подвѣшанный терялъ сознаніе. Тогда его быстро опускали по блоку на землю, обливали холодной водой, приводили въ чувство и подвѣшивали вновь. Такіе перерывы дѣлались иногда до восьми разъ, причемъ время приведенія наказываемаго въ чувство исключалось изъ общаго двухчасоваго времени, назначеннаго для висѣнія. Къ концу казни наказываемый настолько ослабѣвалъ, что его на рукахъ относили въ баракъ или лазаретъ; руки и ноги отъ давленія связывающей ихъ веревки затекали и распухали, и возможность свободнаго движенія ими была совершенно исключена.

Сковываніе рукъ и ногъ было болѣе легкимъ видомъ наказанія.

Вернувшіеся изъ плѣна нижніе чины, при допросѣ ихъ членами Высочайше учрежденной Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи, настоятельно просили дать имъ возможность наглядно показать способъ подвѣшиванія и сковыванія, примѣняемый въ австро-венгерскихъ лагеряхъ.

Приложенные къ настоящему отчету фотографическіе снимки, сдѣланные съ русскихъ нижнихъ чиновъ по ихъ желанію, даютъ ясное представленіе о тѣхъ средневѣковыхъ пыткахъ, которымъ безсердечные австрійцы подвергали нашихъ героевъ.

Вотъ еще одно изъ наказаній, о которомъ плѣнные и до настоящаго времени не могутъ говорить безъ ужаса и воспоминаніе о которомъ вызываетъ у нихъ содроганіе.

Это лежаніе въ гробу. Въ деревянный гробъ, обитый внутри листовымъ желѣзомъ или жестью, клали человѣка, предварительно раздѣвъ его до-нага. Гробъ закрывался плотно пригнанной крышкой, послѣ чего обхватывающія гробъ желѣзныя цѣпи запирались на замокъ. Для обмѣна воздуха въ крышкѣ, въ головной ея части, были просверлены незначительныя по діаметру дыры. Гробъ былъ настолько узокъ и невысокъ, что лежащій въ немъ не могъ измѣнить положеніе тѣла; приходилось все время лежать на спинѣ съ протянутыми по бокамъ руками.

Чтобы затруднить дыханіе, австрійскіе палачи иногда клали на грудь лежащаго въ гробу камни значительнаго вѣса, и ощущеніе груза, давящаго грудь, при и безъ того стѣсненномъ дыханіи, дѣлали муки еще невыносимѣе.

Австрійскій солдатъ, наблюдавшій за казнью, періодически подходилъ къ гробу и открывалъ его. Если наказанный оказывался въ обморочномъ состояніи, его немедленно, не вынимая изъ гроба, окачивали нѣсколькими ведрами холодной воды, приводили въ чувство, и гробъ снова закрывался. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока приговоренный къ этому варварскому наказанію не отбывалъ указаннаго ему срока, т. е. отъ одного до двухъ часовъ.

Рядовой 326 пѣхотнаго Бѣлгорайскаго полка Тимофей Лисановъ разсказываетъ: въ лагерѣ Дунасердагель я былъ поло-

женъ въ гробъ и на грудь мнѣ положили два камня вѣсомъ около девяти фунтовъ каждый. Временами я совершенно задыхался. Меня вынули изъ гроба еле-живого, въ безсознательномъ состояніи.

Это жестокое наказаніе вызывало не только физическія страданія, но угнетающимъ образомъ дѣйствовало и на психику. Наказаннаго иногда вынимали изъ гроба съ дико блуждающимъ взглядомъ и въ состояніи, близкомъ къ острому умопомѣшательству.

Было еще одно наказаніе, исключительно примѣняемое на работахъ, на которомъ нельзя не остановиться, какъ на доказательствѣ изобрѣтательности австрійцевъ въ области изысканія способовъ мученія беззащитнаго врага.

Провинившемуся въ чемъ-либо плѣнному поднимали верхнее платье до пояса и сажали на снѣгъ. Сначала быстро, но затѣмъ все медленнѣе снѣгъ таялъ отъ тепла тѣла; платье промокало до нитки, сырость и холодъ проникали до костей и, не смотря на то, что человѣкъ синѣлъ и дрожалъ, его заставляли сидѣть до тѣхъ поръ, пока снѣгъ подъ нимъ не стаивалъ безъ слѣда.

Сколько неизлечимыхъ болѣзней было послѣдствіемъ этого возмутительнаго наказанія!

Невыносимо тяжелая жизнь, которую влачили наши плѣнные въ концентраціонныхъ лагеряхъ и на работахъ, жизнь полная лишеній и испытаній, ежечасное ожиданіе смерти отъ безпричиннаго удара штыкомъ или прикладомъ не могли не вызвать частыхъ побѣговъ плѣнныхъ, и австрійскія власти рѣшили принять строгія мѣры къ прекращенію ихъ. Окружное начальство Пресбурга издало приказъ, который былъ объявленъ во всѣхъ лагеряхъ и вывѣшенъ затѣмъ въ баракахъ. Приказъ этотъ, въ первой своей части, является яркимъ образчикомъ лжи и глумленія австрійцевъ надъ правдой. Содержаніе его таково:

„Австро-Венгерское военное начальство пожертвовало для „васъ много милліоновъ, чтобы вамъ построить хорошіе бараки „и соотвѣтственно военному времени хорошо кормить; оно „также израсходовало большія суммы на одежду и одѣяла, „дрова и уголь; вы навѣрное не можете пожаловаться на дур-

„ное съ вами обращеніе. Съ [illegible] стороны, слѣдовательно, „было сдѣлано все, чтобы вамъ нахожденіе въ нашихъ лагеряхъ показалось сноснымъ.

„Большинство изъ васъ и вело себя послушно, но только „послѣднее время нѣкоторые изъ военноплѣнныхъ тайно скры„вались изъ лагеря; они, какъ мы то называемъ, дезертировали. „Это, по нашему военному положенію, которому вы, какъ военноплѣнные, подчиняетесь, считается тяжелымъ преступленіемъ „и нами ни подъ какимъ видомъ терпимо не будетъ. Вслѣдствіе этого наши коменданты издали приказъ немедленно „стрѣлять въ каждаго военноплѣннаго или нѣсколько таковыхъ, „если ихъ поймаютъ безъ конвоя, т. е. безъ нашихъ часовыхъ, „внѣ лагеря или же внѣ рабочихъ мѣстъ; также будутъ стрѣлять въ каждаго военноплѣннаго, пытающагося перелѣзть „черезъ ограду лагеря; наши часовые, патрули и конвои будутъ „точно исполнять этотъ приказъ. Знакъ, что вы подымете руки „вверхъ, вамъ послѣ неудачной попытки бѣжать мало помо„жетъ.

„Это все вамъ должно служить къ свѣдѣнію и предостереженію. Всякій изъ васъ, кто тайно покинетъ лагерь или „рабочее мѣсто, чтобы убѣжать, живымъ больше не вернется. „Порядочные военноплѣнные сами должны слѣдить за порядкомъ у плохихъ и никогда не допустить, чтобы кто нибудь „изъ нихъ дезертировалъ. Въ виду этого каждая рота будетъ „отвѣтственна за побѣгъ одного изъ людей, и если побѣгъ все„таки случится, то вся рота въ день послѣ побѣга должна „будетъ голодать, т. е. остаться безъ горячей пищи".

Заставилъ ли нашего воина этотъ строгій приказъ забыть [illegible]дину и не рваться къ ней всей душой, не жалѣя жизни, [illegible]зываютъ многочисленные случаи побѣговъ изъ лагерей.

Стрѣляя разрывными пулями, употребляя удушливые газы, [illegible]ая раненыхъ, глумясь надъ жизнью и тѣломъ врага, [illegible]йцы не забывали и его души: имъ нужно было развратить [illegible]ъ нужно было, чтобы плѣнные, по возвращеніи на ро[illegible] врагами ея и измѣнниками отечества и въ этихъ [illegible] повели революціонную пропаганду среди

Плѣнные малороссы, разбросанные по разнымъ лагерямъ, были сконцентрированы въ Фрейштадтѣ. Въ этомъ лагерѣ одинъ изъ бараковъ былъ отведенъ для вечернихъ лекцій и лекторъ, эмигрировавшій изъ Россіи въ 1905 году полтавскій крестьянинъ, „Гавріилъ", доказывалъ русскимъ плѣннымъ безсиліе и ничтожество ихъ отечества. Приглашая всѣхъ малороссовъ по возвращеніи поднять въ Россіи знамя возстанія, „Гавріилъ" обѣщалъ имъ безмятежную, счастливую и свободную жизнь подъ скипетромъ австрійскаго монарха.

Недолго длились эти лекціи. Разбитыя камнями стекла барака, въ которомъ происходили митинги, избіеніе и поспѣшное бѣгство „Гавріила" изъ лагеря были достойнымъ отвѣтомъ русскаго воина на призывъ къ измѣнѣ и нарушенію святости присяги.

Не удалось врагу сломить великую силу души русскаго солдата, какъ не удается ему сломить и физическую его силу.....

Такова жизнь русскихъ плѣнныхъ въ Австро-Венгріи въ XX-омъ вѣкѣ!

Чрезвычайная Слѣдственная Коммисія удостовѣряетъ правдивость всѣхъ изложенныхъ въ настоящемъ отчетѣ фактовъ. Разсказы исходятъ изъ устъ тѣхъ, кто, переживъ тяжелые дни австрійскаго плѣна, вырвался изъ него для того, чтобы итти въ новый тяжелый бой.

Ушедшіе изъ плѣна герои просятъ объ одномъ, чтобы ихъ скорѣе вернули въ строй, въ родные полки. Мы хотимъ, говорятъ они, отомстить врагу за все, нами перенесенное, за братьевъ нашихъ, еще томящихся въ плѣну. И если намъ въ будущемъ пришлось бы дѣлать выборъ между плѣномъ и смертью, мы безъ колебаній изберемъ послѣднюю: мы будемъ биться до послѣдняго патрона, до послѣдняго неизогнутаго штыка, до послѣдняго нерасщепленнаго приклада, до послѣдней капли крови, но живыми мы въ плѣнъ не сдадимся. Лучше смерть чѣмъ плѣнъ!.....

Предсѣдатель Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи
Первоприсутствующій Сенатор

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БИБЛИОТЕКА